

Медведев Армен

13. 02. 1999

237

Новые известия. — 1999. — 13 февр. — с. 7

Виктор Матизен, «Новые Известия»

Седьмой министр после семи лет в строю

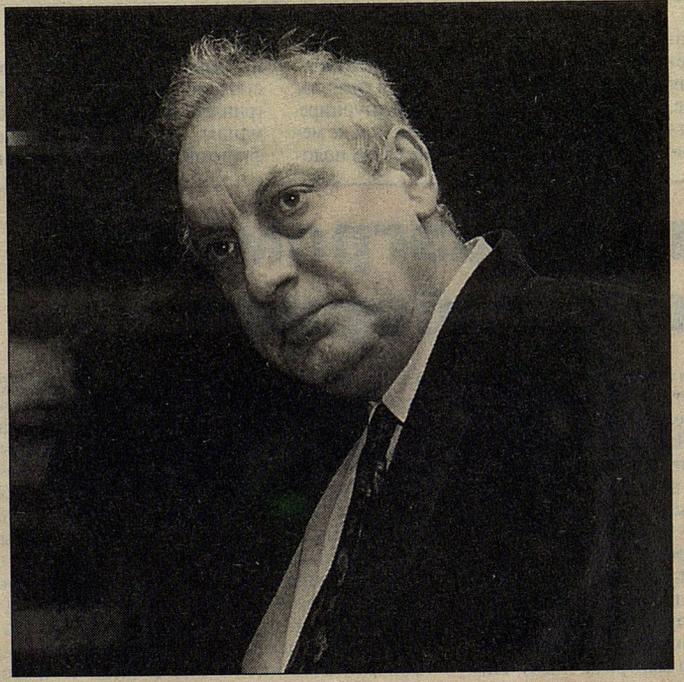
Председатель Госкино Армен Медведев покидает свое кресло, но имя его преемника все еще не названо. Во время встречи с вице-премьером Валентиной Матвиенко ведущие режиссеры страны высказались в пользу зампреда Госкино и бывшего директора Ленфильма Александра Голутвы. Секретариат СК России под давлением Никиты Михалкова после десятичасового (!) закрытого заседания выдвинул кандидатуру Владилена Арсеньева, в прошлом руководителя службы кинопоказа НТВ, а ныне главу компании «НТВ-кино». Раскол кинематографистов на две партии все-таки произошел.

— Армен Николаевич, а сколько ваших предшественников сидело в этом кабинете?
— Большаков Иван Григорьевич — раз, Романов Алексей Владимирович — два, Ермаш Филипп Тимофеевич — три, Камшалов Александр Иванович — четыре.
— И все сживали в этом кресле?
— Нет, с сороковых годов здесь остался только чернильный прибор со львом. Вот если бы этот лев заговорил...
— Как знать — может, у него в ухе еще со сталинских времен спрятан микрофончик...
— Едва ли. Его спасло только то, что Ермашу подарили какой-то ультрасовременный прибор с кубиком Рубика, а льва убрали куда-то в кладовые. При распаде СССР прибор с кубиком сперли, а лев вернулся на место...
— Большакова вы, наверно, помните?
— Я его видел уже тогда, когда он был в почетной отставке, средней руки начальником во Внешторге и занимался международными выставками. В начале 60-х в СК развернули экспозицию по истории советского кино, и он приехал. Я с интересом ждал его появления, потому что был слышан о грозном Большакове по прозвищу «человек-часы», который никогда и нигде не опаздывал и не сорвал ни одной встречи. А пришел краснолицый румяный старичок и начал плакать. Посмотрел на фотографии, где были изображены его еще молодые подопечные — Пырьев, Донской, Эйзенштейн, стал называть их имена — и заплакал. Я его плачущего провел по выставке и с тех пор не видал...

и с 1984 года, еще до всякой перестройки и демократизации, наше кино стало дотационным. Ведущие мастера выступили с парадом неудач. Прекратился приток дебютантов. А тех, кого запускали с первой картиной, пропускали через такую машину, что они делали фильмы, не идущие ни в какое сравнение с их студенческими работами. Кино выхолащивалось, и Госкино уже не контролировало ситуацию.
— Ваша отставка вызвала большой резонанс в прессе. Раньше такого не было. Первого министра кинематографии, даром что он был Шумяцкий, расстреляли безо всякого шума. Анекдотического Дукельского, который вызывал к себе кинематографистов в три часа ночи и по энкавдэшной привычке говорил секретарше: «Введите», куда-то тихо перебросили, и он сгинул без следа...

даче и спрашивает: «Это что, по заказу НАТО снимали?». Один из старых работников отдела культуры ЦК сказал мне неглупую вещь: «Система отбирает нас как лучших, а потом мгновенно подчиняет себе и лишает всякой индивидуальности». Вот почему я всегда повторяю, что одна из безусловных заслуг Горбачева в том, что он отменил телефонную цензуру. Вы же знаете, что до него каждый понедельник, то есть после того, как члены Политбюро и секретари ЦК на своих дачах смотрели новые фильмы, на председателя Госкино обрушивался ливень звонков с претензиями и указаниями. Горбачев все это отменил. Между тем наши придворные мастера продолжали мне звонить и спрашивать, видел ли Горбачев их картину, и если да, то что сказал. А Горбачев ничего не говорил. И Ельцин тоже не говорит.

английского мальчика, который до 18 лет не говорил и заговорил лишь тогда, когда мама с папой впервые не дали ему к чаю булочки. Мне иногда кажется, что наше кино не заговорит на зрительском языке, то есть не станет самостоятельным до тех пор, пока Госкино не перестанет кормить его государственными булочками...
— Госкино как раз и стремится к тому, чтобы уменьшить долю государственных дотаций в производстве фильмов.
— В таком случае Госкино — единственная в мире контора, которая работает на самоуменьшение.
— Хотите верить, хотите нет, но так оно и есть. А Никита Сергеевич и его команда предлагают лишь перераспределить деньги. Чтобы часть тех сборов, которые сейчас идут в бюджет, поступала в фонд и расходовалась на кинопроизводство. Вроде хорошее дело. Допустим даже, что удастся внести соответствующие поправки в законодательство, хотя внести их очень не просто. Но что это будут за деньги? На что их хватит? Неизвестно. С мая прошлого года идет разговор об этом Фонде, но никаких экономически обоснованных расчетов не существует. Все это очень похоже на лысенковщину. Лысенко обещал, что в снегу будет расти ветвистая пшеница. Но пшеница не растет так просто. А все эти речи о том, что наш кинематограф «не туда завели» и что российское кино должно быть «державным». Хорошо, что нас после многих лет разговоров о деньгах вернули к обсуждению творческих вопросов, но почему кино должно быть только державным? Удивительно все-таки устроена человеческая память. Двадцати лет не прошло, а Никита Михалков уже забыл, что творили с ним самим, когда «Родне» дали вторую категорию по оплате...

Отставка стоила Армену Медведеву трех бессонных ночей.

— Большаков тоже сошел со сцены тихо. Он был человеком сталинского аппарата, и когда в 1953 году рухнул этот аппарат, рухнула и министерство. Романова сняли после постановления ЦК о необходимости усовершенствовать управление кинематографом. Еще до этого за разные грехи Госкино понижали в ранге, а его председателя пересаживали с «Чайки» на «Волгу». Причины были подчас анекдотические. Скажем, съезд колхозников жутко обиделся за то, что в фильме, который ему показали, передовая бригадирша живет с женатым кинемехаником... Словом, было видно, что Романов шатается. После его ухода хотели было возродить министерство кинематографии, но для такого усиления контроля над кино нужно было заявить, что раньше все было плохо. А на это не хватило бессовестности. Нельзя было похоронить ни кинематограф оттепели, ни 60-е годы.
— Считается, что постановление ЦК 1972 года подготовил Ермаш, который хотел сесть на место Романова...
— Я люблю Филиппа Тимофеевича, но его не идеализирую. Наверняка он приложил к этому руку. Просидев десять лет в аппарате ЦК, он созрел для относительно самостоятельной должности и воспользовался возможностью ее занять.
— А его собственная отставка была предreshена V съездом?
— Только отчасти. Непь же Ермаш был человек брежневской системы. Горбачев, Лигачев и Яковлев его не воспринимали. Лигачев как-то бросил ему: «Вы все на личности ориентируетесь, а надо на партию!». V съезд был для Ермаша чувствительным ударом, хотя какое-то время он еще надеялся, что сможет пасти Климова. Но когда понял, что процесс необратим, подал заявление об уходе, которое несколько месяцев лежало в ЦК прежде чем было удовлетворено. А его преемника Камшалова погреб рухнувший СССР... Обидим для всех этих случаев, включая отставки двух министров культуры, Михайлова и Фурцевой, было то, что они перед падением оказались в информационной околоте: сверху не поступало никаких указаний. Я помню, как неуверенно чувствовала себя Фурцева в последние месяцы своего министерства. Ее правая рука Ирина Кокорева хвалит картину Файншмера «Ночь без милосердия», где действуют американские летчики с военной базы в Турции. А секретарь ЦК Фрол Козлов смотрит ее у себя на

— Для вас V съезд был такой же неприятной неожиданностью, как для Ермаша?
— Нет. Незадолго до съезда был фестиваль в Казахстане, где «киногенералов» поселили в гостинице ЦК, а остальных — в гостинице «Алма-Ата». Уже там остряки, намекая на грядущий съезд, говорили, что «Алма-Ата» — гостиница для избранных, а гостиница ЦК — гостиница для не избранных. А потом я присутствовал на бурном заседании комиссии игрового кино, когда делегатами съезда не избрали Ростоцкого, Бондарчука и даже самого первого секретаря правления СК СССР Кулиджанова. Помнится, Ростоцкий на это сказал, что все равно на съезде всем дадут одинаковые мандаты.
— Так вот у кого Михалков взял идею IV съезда СК России!
— Очень может быть. А на самом съезде неожиданным было избрание Климова. Оно, правда, и было главным событием съезда. Уже потом Яковлев меня спросил: «Ну что, здорово мы с Климовым провели эту операцию?». Оказывается, Климова вызывали в ЦК, так что основное было спланировано заранее... Что касается неприятного, то мне не понравилась атмосфера съезда — я не люблю огодтелости. Хотя сравнительно с тем, что я потом наблюдал в Верховном Совете, где народные избранники в фойе посылали один другого на... и лезли друг на друга с кулаками, это было просто собрание в пансионате для благородных девиц. Кстати, в последние годы я оказался в числе немногих защитников идеи V съезда. Конечно, дров тогда наложили немало — в основном из-за романтизма и связанного с ним волонтаризма. Но ведь именно V съезд пробудил в кинематографистах достоинство, открыл дорогу независимым кинопроизводителям, поставил вопрос о собственности...

— Ваш конфликт с Михалковым отчасти из-за этого? Он-то V съезд проклинает, считая его источником всех бед...
— Конфликт у нас подспудный, поскольку через прессу Никита Сергеевич посылает мне исключительно воздушные поцелуи. Но я-то знаю, что мешал именно ему — ведь Госкино стоит на пути предлагаемого им фонда. Хотя если вспомнить думские требования восстановить цензуру в кино, то дело не в одном Михалкове. Но действительно у нас с ним две разные концепции. Наша идея в том, чтобы поддерживаемый государством рынок развивал кино.
— Есть известный анекдот про

— Пр нее до сих пор говорят, что это «принижение русского народа», «барское кино» и тому подобные глупости...
— В том-то и дело. С одной стороны, хорошо, что появляются оптимистические картины вроде «Бедной Саши», «Сироты казанской» и т.д. А с другой — от розового очень короткий путь до серого. И если мы будем изживать картины типа «Родни», «Страны глухих», «Окраины», «Про уродов и людей», то не окажется ли нам в розово-серых соплях...
— Егора Владимировича Яковлева, который одно время был членом министра телевидения, отправили в отставку вполне невежливо. А с вами обошлись очень церемонно...
— У меня другая ситуация. Как государственный служащий по достижении 60 лет я был обязан подать заявление об уходе или о продлении государственной службы. Я попросил о продлении. Спустя девять месяцев меня пригласила к себе Валентина Ивановна Матвиенко и сообщила, что мое прошение не удовлетворено, хотя претензии ко мне нет, что меня проводят самым достойным образом, что я очень много сделал, но нужна свежая молодая кровь. Естественно, слышать такое не очень приятно, но я мгновенно исключил для себя всякую возможность каких бы то ни было объяснений по этому поводу. Что еще? Три ночи меньше поспал, стал больше курить да почувствовал горечь любимого «Кэмела»...

— Других плачущих министров кинематографии вы не видели?
— Ермаша видел очень растерянным — в 1986 году, утром второго дня V съезда кинематографистов. Я пришел к нему в этот кабинет, он сидел в черном костюме, при регалиях и в позе боксера, который проигрывает раунд за раундом. А вот Романов эмоциям не поддавался — или мне не приходилось его видеть в ином состоянии. Всегда был очень ровный, неторопливый, рассудительный. Когда он ушел с поста, хорошо вам известный Евгений Данилович Сурков мне сказал: «Романов не умел ни любить, тем более — ненавидеть. Единственный, при чем имени он вздрагивал, был Тарковский. Но Тарковский слишком дорого ему обошелся» (Романов получил партийный выговор за то, что разрешил продать отравленного на полку «Андрея Рублева» за границу. — В.М.). Пришедший на смену Романову Ермаш был человек пристрастный, значительно более жесткий, но тоже не со стороны — все-таки работал в отделе культуры ЦК, где атмосфера тогда была совсем неплохая. Конечно, система его затягивала, но все же он не был совсем уж послушным ее винтиком. Он отставил то, что мог и считал нужным отстаивать — даже вопреки Кириленко, который его выдвинул...

— Естественно — ведь он же несет ответственность за то, что фильм был запущен и снят...
— Он всегда мог переложить эту ответственность на студию или на режиссера. Но не делал этого. Так, он защищал «Иди и смотри» и «Агонию» Элема Климова. В то же время его попытка организовать обсуждение «Зеркала» вылилась в казнь фильма руками самих кинематографистов. Нетерпимость была ужасная. И сейчас она грозит союзу кинематографистов.

— Руками кинематографистов уложили на полку и «Скверный анекдот» Алова и Наумова. Евгений Данилович Сурков, как большой знаток литературы, тоже в этом поучаствовал.
— Я мог бы многое вспомнить тем, кто с ностальгией вспоминает старые времена. Не только это, но и то, например, что пик посещаемости кинотеатров пришелся на 1980 год, а потом начался спад,

— Неужели вам не хотелось подняться на свою защиту кинообщественность?
— Я разыграл этот вариант в уме и понял, что он не по мне. Если бы я и смог удержаться, то трагичнейший последний активный период жизни на холодную войну, на разгадывание заспинных интриг... Единственное, о чем я попросил, — дать мне возможность уйти после 5 февраля, то есть после семи лет пребывания в должности. И тем временем дал согласие стать президентом фонда Ролана Быкова. Между прочим, за эти семь лет почти беззвучно сменилось три министра культуры, причем я не могу объяснить, чем один лучше или хуже другого. Я рад уже тому, что мой уход повлек за собой дискуссию.

— То, что Матвиенко пригласила ведущих кинематографистов поговорить относительно вашего преемника, — довольно нетривиальный шаг...
— Сначала она спросила об этом меня. Я сказал, что важен не человек, а концепция. И назвал человека, который нужен для того, чтобы проводить нашу концепцию. Эту кандидатуру поддержали и крупнейшие режиссеры. Но, естественно, Михалков и его команда будут настаивать на своем...

240

Седьмой министр после семи лет в строю

13 ФЕВРАЛЯ 1999 ГОДА

Н О В Ы Е
ИЗВЕСТИЯ

Председатель Госкино Армен Медведев покинул свое кресло, но имя пока все еще не названо. Его время в кресле Валентина Резникова, режиссера, пользуясь авторитетом директора Госкино и бывшего директора Ленфильма Александра Секретариата СК Роскино, в исполнении Никиты Михалкина в ходе заседания выдвинул кандидатуру Владилена Арсеньева, в руководителе службы кинокино на ТВ-кино. Раскол кинематографистов на две партии все-

— Армен Николаевич, а сколько предшественников сидело в этом кресле? — Был Григорьевич — два, Ермаш Филиппович — три, Камшалов Иван Иванович — четыре. — И сколько сидели в этом кресле? — Нас сороковых годов здесь было много чернильных приборов. Вот если бы этот лев был...

— Как вы знаете — может, у него в те времена спрятали телефончик... — Ермаша спасло только то, что он подарил какой-то ультрасовременный прибор с кубиком Рубика, а льва убрали куда-то в СССР, а лев вел себя так...

— Был ли он видел уже тогда, когда вы были начальником во Внешторге и занимались международными делами в СКР? — Я с интересом ждал его появления, потому что был на заседании Большакова по поводу «человек-часы», который никуда не опаздывал ни одной встречи.

— Как вы видели его в 1986 году, утром второго дня съезда кинематографистов? — Я сидел в черном костюме, а в позе боксера проигрывает раунд за раундом. А вот Романов эмоциям не поддавался — или мне не приходило в голову видеть в нем ровный, ясный, рассудительный.

— Как вы видели его в 1986 году, утром второго дня съезда кинематографистов? — Я сидел в черном костюме, а в позе боксера проигрывает раунд за раундом. А вот Романов эмоциям не поддавался — или мне не приходило в голову видеть в нем ровный, ясный, рассудительный.

Когда он ушел с поста, хорошо вам известный Евгений Данилович Сурков мне сказал: «Романов не умел ни любить, тем более — ненавидеть. Единственный, при чьем имени он вздрагивал, был Тарковский. Но Тарковский слишком дорого ему обошелся» (Романов получил партийный договор за то, что разрешил продать «Андрея Рублева» за границу. — В.М.). Пришедший на смену Романову Ермаш был человек пристрастный, значительно более жесткий, но тоже не со стороны — все-таки работал в отделе культуры ЦК, где атмосфера тогда была совсем неплохая. Конечно, система его затягивала, но все же он не был совсем уж послушным ее винтиком.

Отставка стоила Армену Медведеву трех бессонных ночей.

Он отстаивал то, что мог и считал нужным отстаивать — даже вопреки Кириленко, который его выдвинул...

— Естественно — ведь он же несет ответственность за то, что фильм был запущен и снят...

— Он всегда мог переложить эту ответственность на студию или на режиссера. Но не делал этого. Так, он защищал «Иди и смотри» и «Агонию» Элема Климова. В то же время его попытка организовать обсуждение «Зеркала» вылилась в казнь фильма руками самих кинематографистов. Нетерпимость была ужасная. И сейчас она грозит союзу кинематографистов.

— Руками кинематографистов уложили на полку и «Скверный анекдот» Алова и Наумова. Евгений Данилович Сурков, как большой знаток литературы, тоже в этом поучаствовал.

— Я мог бы многое напомнить тем, кто с ностальгией вспоминает старые времена. Не только это, но и то, например, что пик посещаемости кинотеатров пришелся на 1980 год, а потом начался спад,

и с 1984 года, еще до всякой перестройки и демократизации, наше кино стало дотационным. Ведущие мастера выступили с парадом неудач. Прекратился приток дебютантов. А тех, кого запускали с первой картиной, пропускали через такую машину, что они делали фильмы, не идущие ни в какое сравнение с их студенческими работами. Кино выхолащивалось, и Госкино уже не контролировало ситуацию.

— Ваша отставка вызвала большой резонанс в прессе. Раньше та-

который ему показали, передовая бригадирша живет с женатым кинемехаником... Словом, было видно, что Романов шатается. После его ухода хотели было возродить министерство кинематографии; но для такого усиления контроля над кино нужно было заявить, что раньше все было плохо. А на это не хватило бессовестности. Нельзя было похоронить ни кинематограф оттепели, ни 60-е годы.

— Считается, что постановление ЦК 1972 года подготовил Ермаш, который хотел сесть на место Романова...

— Я люблю Филиппа Тимофеевича, но его не идеализирую. Наверняка он приложил к этому руку. Просидев десять лет в аппарате ЦК, он созрел для относительно самостоятельной должности и воспользовался возможностью ее занять.

— А его собственная отставка была предпринята V съездом?

— Только отчасти. Опять же Ермаш был человек брежневской системы. Горбачев, Лигачев и Яковлев его не воспринимали. Лигачев как-то бросил ему: «Вы все на личности ориентируетесь, а надо на партию!». V съезд был для Ермаша чувствительным ударом, хотя какое-то время он еще надеялся, что сможет пасти Климова. Но когда понял, что процесс необратим, подал заявление об уходе, которое несколько месяцев лежало в ЦК прежде чем было удовлетворено. А его преемника Камшалова погреб рухнувший СССР... Общим для всех этих случаев, включая отставки двух министров культуры, Михайлова и Фурцева, было то, что они перед падением оказывались в информационной блокаде: сверху не поступало никаких указаний. Я помню, как неуверенно чувствовала себя Фурцева в последние месяцы своего министерства. Ее правая рука Ирина Кокорева хвалит картину Файншмера «Ночь без милосердия», где действуют американские летчики с военной базы в Турции. А секретарь ЦК Фрол Козлов смотрит ее у себя на даче и спрашивает: «Это что, по заказу НАТО снимали?». Один из старых работников отдела культуры ЦК сказал мне неглупую вещь: «Система отбирает нас как лучших, а потом мгновенно подчиняет себе и лишает всякой индивидуальности». Вот почему я всегда повторяю, что одна из безусловных заслуг Горбачева в том, что он отменил телефонную цензуру. Вы же знаете, что до него каждый понедельник, то есть после того, как члены Политбюро и секретари ЦК на своих дачах смотрели новые фильмы, на председателя Госкино обрушивался ливень звонков с претензиями и указаниями. Горбачев все это отменил.

— Большаков тоже сошел со сцены тихо. Он был человеком сталинского аппарата, и когда в 1953 году рухнул этот аппарат, рухнуло и министерство. Романова сняли после постановления ЦК о необходимости усовершенствовать управление кинематографом. Еще до этого за разные грехи Госкино понижали в ранге, а его председателя пересаживали с «Чайки» на «Волгу». Причины были подчас анекдотические. Скажем, съезд колхозников жутко обиделся за то, что в фильме,